

18+

МРАЧНАЯ СУДЬБАЛУЛЬЕ

Когда звёзды молчат

МАРЬЯМ СЕДАЕВА

Тёмное фэнтези

Марьям Седаева

**Мрачная судьба лулье.
Когда звезды молчат**

«Издательские решения»

Седаева М.

Мрачная судьба лулье. Когда звезды молчат / М. Седаева —
«Издательские решения»,

В шестнадцать лет Лулье потеряла свою деревню из-за Призроков. Она бежала вместе с матерью и братом Риком в королевство. Дневник её отца лежит под кроватью Лулье. Запечатанный. «В твой семнадцатый день рождения, — говорит их мать, — ты станешь достаточно взрослой, чтобы узнать правду». Лулье узнает, кем на самом деле был ее отец. На следующее утро раздается звон колоколов. Нападение. История о семье, запретных клятвах и наследии, которое тяжелее меча.

© Седаева М.

© Издательские решения

Содержание

Мрачная судьба лулье	6
Глава 1	6
Клятва в саду	6
Глава 2	8
Правда ночью	8
Глава 3	14
Горсть надежды	14
Глава 4	19
Шаг в войну	19
Глава 5	27
Заброшенная башня	27
Глава 6	33
Пробуждение тайной силы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мрачная судьба лулье Когда звезды молчат

Марьям Седаева

© Марьям Седаева, 2026

ISBN 978-5-0070-8244-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мрачная судьба лулье

Глава 1

Клятва в саду

Солнце стояло низко, и трава щекотала пальцы на ногах Лулье. Ей было шестнадцать, почти семнадцать, и сегодня она хотела только одного: никаких проблем. Рик разломил хлеб на три части и отдал матери самый большой кусок. «Мама, ешь», — сказал он. «Тебе нужны силы». Её мать улыбнулась и подвинула половину обратно к нему. «Мы делимся», — сказала она. «Мы всегда так делали».

Они устроили пикник в саду за домом, как каждое лето. Они смеялись над плохими шутками Рика и историями, которые мать рассказывала об отце. «Ваш отец однажды сказал», — начала она, и её глаза смягчились, — «что семья — это как стая. Никто не оставляет своих. Что бы ни случилось».

Лулье подумала о сундуке под её кроватью. В нём лежал дневник. Кожанный, с печатью. На твоё семнадцатилетие, — сказала мать. Тогда ты будешь достаточно взрослой для его правды. Ещё месяц. Всего месяц, и она прочтёт слова своего отца. Что он хотел ей оставить?

Первый крик донёсся с рыночной площади. Потом второй. Потом сотня.

Люди бежали по переулкам. «Призраки!», — визжала женщина. «Бегите! Они перешли реку!»

Мать вскочила на ноги мгновенно. «Рик, сумку! Лулье, ко мне!» В её голосе не было паники. Только приказ. Они побежали. Рик схватил Лулье за руку и не отпускал, даже когда она споткнулась. У кареты он втащил её первой, потом мать, потом забрался сам. «Мы держимся вместе», — выдохнул он. «Клянёшься?» Лулье кивнула, со слезами на глазах. «Клянусь».

Лошади неслись галопом. Лулье вцепилась в скамью и оглянулась. Деревня — её дом — исчезала за стеной из пыли и теней, что двигались как живой туман. А вместе с ней и сундук. Дневник. Голос отца, которого она ещё не слышала.

«Прости меня», — прошептала она. Рик обнял её за плечи. «Эй», — хрипло сказал он. «Мы вернём его. Когда-нибудь. Вместе. Это обещание стаи».

Королевство встретило их несколько дней спустя. Стены были такими высокими, что Лулье пришлось запрокинуть голову. «Здесь вы в безопасности», — сказали стражники. Им дали маленький дом. Три кровати, стол. В первый вечер мать сварила суп из того, что было. Жидкий, но горячий. «Мы вместе», — сказала она и подняла свою миску. «Это всё, что имеет значение».

Но по ночам, когда мать спала, Рик шептал: «Ты видела закон у казармы?» Лулье кивнула. Только сыновья Империи имеют право носить меч.

«Это глупо», — сказал Рик. Он встал, вытащил из ящика две поварёшки и бросил одну ей. «Отец хотел бы, чтобы ты могла защищаться. Так что я научу тебя. Чтобы тебе больше никогда не пришлось бежать, если ты хочешь драться».

И так началось. Каждую ночь. Без света, чтобы никто не увидел. Рик показывал ей, как уворачиваться. Как бить. Она была быстрой. Пугающе быстрой. И каждый раз, когда она падала, она думала об отцовском дневнике. О клятве в саду. О словах Рика: Вместе.

Ей было всего шестнадцать. Она ещё не прочла правду своего отца. Но она будет готова, когда придёт время. Ради своей семьи. Ради своей стаи.

Потому что мужество, как говорила мать, — это не отсутствие страха.

Мужество — это всё равно поступать правильно.

Глава 2

Правда ночью

Прошел год.

Лулье исполнилось семнадцать. За двенадцать месяцев ее тело изменилось. Ее руки больше не были руками девочки, которая делила хлеб. Это были руки человека, который ночь за ночью махал деревянной палкой, пока мозоли не лопались. Рик заметил это первым. На крыше, во время тренировки, она уже не просто уворачивалась от его удара. Она отвечала. Однажды она ударила его так сильно по запястью, что он выронил палку.

«Ай», сказал он и потряс рукой. Потом усмехнулся. Это была гордая усмешка, но в его глазах было и что-то другое. Страх? «Ты лучше меня», пробормотал он. «Отец бы... он бы гордился».

В ночь ее семнадцатилетия мать разбудила ее. Ни свечей, только луна светила сквозь ставни. «Идем», прошептала она. «На кухню».

Лулье села за холодный стол. Мать не поставила чай. Она просто положила ладони плашмя на дерево, будто ей нужно было за что-то держаться.

«Тебе теперь семнадцать», сказала она. «Достаточно взрослая для правды. Для правды твоего отца».

Лулье затаила дыхание. Дневник. Целый год она каждую ночь думала о нем. О сундуке, о деревне, о пепле.

«Мама, где он?», спросила она. «Дневник. Он еще там?»

Мать покачала головой. «Нет. Но однажды ты должна будешь его вернуть. Потому что в нем написано, как их победить». Она сделала паузу. «Призраков».

Слово повисло между ними. Победить. Не просто бежать. Не просто строить стены.

«Там написано?», прошептала Лулье. Сердце колотилось. «Как?»

«Не знаю», сказала мать. «Твой отец так и не дорассказал. Он говорил только: кто прочтет книгу, тот поймет врага. А кто поймет врага, тот сможет его убить».

Тишина. Потом мать вдохнула, будто прыгая с обрыва.

«Но это не то, что шокирует тебя сильнее всего, Лулье».

Она наклонилась вперед. Ее голос был лишь дыханием.

«Твой отец... он пришел оттуда, откуда приходят призраки».

Мир перевернулся. Лулье вцепилась в край стола. «Что? Нет. Отец ненавидел призраков. Он предупреждал нас о них!»

«Знаю», сказала мать. И впервые Лулье увидела слезы в ее глазах. «И все равно это правда. Послушай меня. Мы так мало знаем о мире. Мы думаем, эти стены это все. Что там снаружи только смерть».

Она покачала головой. «Есть большее. Намного большее. Люди, Лулье. Целые города. Страны. Они живут без призраков. У них есть свет, который идет не от огня. Повозки, которые едут без лошадей. Они...» Она искала слова. «Они на двести лет впереди нас. Для них мы прошлое. Древние. Те, кто еще тренируется с деревянными мечами».

Лулье не понимала. «Но если они есть, почему они нам не помогают? Почему они позволяют призракам нас уничтожать?»

«Потому что они живут в ложном мире», горько сказала мать. «Они забыли, что мы существуем. Или не хотят знать. У них свои стены. Только их стены сделаны из забвения».

Она взяла Лулье за руку. Ее пальцы были холодными.

«Твой отец пришел оттуда. Он сбежал. Из-за тебя. Из-за нас. Он хотел, чтобы ты узнала, когда будешь достаточно взрослой. Чтобы ты решила».

«Решила что?»

«Пойдешь ли ты за дневником. Найдешь ли правду. И закончишь ли войну, которую он не смог закончить».

Снаружи ветер скользил вокруг дома. На мгновение он пах неправильно. Сладковато.

Лулье подумала об обещании стаи. О Рике. О деревянном мече.

Ей было семнадцать. Она была сильнее брата.

А ее отец был одним из них.

«Расскажи мне все», сказала она. «С самого начала». «Рассказывай дальше», прошептала она. «Откуда именно пришел отец? Как выглядят эти другие люди? Как победить призраков?»

Мать погладила ее по щеке. Ее рука дрожала. «Прости меня, мой цветочек», тихо сказала она. «Больше я не знаю. Все это... все это в дневнике. Твой отец хотел, чтобы ты прочла это сама. Своими глазами».

В ту ночь мир изменился в глазах Лулье. Кухня осталась той же. Луна все так же светила сквозь ставни. Но ничто больше не казалось безопасным. Стены вдруг стали просто камнем.

Чего она не знала: Рик стоял за приоткрытой дверью. Он слышал каждое слово. Об отце. О другом мире. О дневнике. Его сердце колотилось так громко, что он боялся, они его услышат. Его пальцы впились в дверной косяк.

Но он глубоко вдохнул. Заставил лицо успокоиться. Когда мать встала, он бесшумно проскользнул обратно в свою комнату и лег. Притворился, что спит.

Он не должен был этого знать. Не раньше Лулье. Она не должна была нести еще и его страх. Он защитит ее. И он найдет эту книгу. Но один. Он поклялся в этом, глядя в потолок.

На следующее утро колокола разорвали тишину.

«Нападение!», кричали люди. «Деревня Лерхенбах! Призраки прорвались!»

Бойцы собирались у казармы. Рик стоял среди них, нарочно громко зевал и потягивался. «Что случилось?», спросил он у одного из мужчин, будто только что услышал колокола. Командиры взяли его без колебаний. Семнадцать лет, сильный, умеет держать меч. Этого хватило.

«Рик, нет!», закричала мать. Она хотела броситься к нему, но стража удержала ее.

Рик обернулся. Посмотрел прямо на Лулье. И криво усмехнулся, точно как всегда, когда хотел ее подразнить. «Присмотри за мамой, ладно?», крикнул он. «И не трогай мою деревянную палку. Она мне еще нужна!»

Ни знака. Ни прощального взгляда. Он вел себя так, будто это просто тренировка. Будто он спал прошлой ночью как камень. Будто он не знал, что мир разбился.

Лулье и мать собрали его вещи. Рубашку. Буханку хлеба. Деревянную палку, которой они тренировались. Они отдали все одному из всадников. Потом бойцы ускакали. Ворота закрылись с грохотом, от которого у Лулье заныли зубы.

В глазах матери стояли слезы. Она смахнула их, прежде чем Лулье успела их как следует разглядеть. Потом она взяла Лулье за руку. «Идем, цветочек», сказала она слишком спокойно. «Дома у нас много дел».

Лулье кивнула. Она поняла.

Дома она сварила еду. Вышла на улицу и собрала желтые цветы, потому что мать любила желтые цветы. Вечером она поставила букет на стол.

Мать смотрела на него. Очень долго. Потом улыбнулась. «Спасибо», прошептала она. «Они прекрасны».

Позже ночью Лулье поднялась на крышу. Как всегда. Она потянулась за деревянным мечом. Открыла рот, чтобы позвать Рика.

И тут она снова вспомнила.

Его не было.

Тишина легла ей на сердце тяжелой пеленой. Она связала длинные волосы, чтобы не мешали. Подняла меч.

«Тогда буду учиться одна», сказала она в ночь. «Пока ты не вернешься, Рик».

И так шли дни. Без Рика. Лулье тренировалась на рассвете и на закате. Она варила еду, носила воду, приносила матери цветы. И каждый вечер они сидели вместе у окна и ждали.

Так шли дни. Пять. Потом семь.

Лулье считала каждый рассвет. Утром она тренировалась на крыше, пока руки не начинали гореть. Днем она варила еду и приносила матери цветы с края поля. Вечерами они сидели у окна. Молча. В ожидании.

На восьмой день рога разорвали тишину.

Сигнал бойцов. Они возвращались.

Лулье выронила ведро с водой. Мать выронила нож. Они побежали к воротам.

У ворот толпились люди. Плач. Молитвы. Крики.

«Так много погибло», прошептала женщина рядом с Лулье. «Лерхенбах стгорел дотла. Призраки... их было слишком много».

У Лулье перехватило горло. Она встала на цыпочки. Искала.

И тогда она увидела его.

Рик. На хромающей лошади. Грязный. Порез на лбу. Но живой. А за ним, вцепившись в него, сидел молодой мужчина. Высокий. Широкие плечи. Его лицо было искажено болью. Левая рука была замотана в окровавленную льняную ткань.

«Рик!», закричала Лулье. Она пробилась сквозь толпу.

Рик услышал ее. По его лицу скользнуло облегчение. Он усмехнулся, как раньше, когда возвращался с рынка. Он направил лошадь к ним.

Он едва успел спешиться, как мать бросилась к нему. «Ты жив», плакала она в его рубашку.

Только потом они отступили. Посмотрели на молодого мужчину. Он стоял неуверенно. Несмотря на рост, он выглядел опустошенным. Он старался не двигать раненой рукой.

Лулье обняла Рика следующей. От него пахло дымом, потом и лошадь. Она крепко держала его. «Тебе нельзя было уходить», прошептала она.

Рик тихо рассмеялся ей в плечо. «Надо же было защищать дом, старшая сестра».

«Кто это?», спросила мать.

Рик встал рядом с ним и положил ему руку на плечо. «Это Дурим», сказал он. «Из Лерхенбаха».

Дурим кивнул им. В его глазах было то, что уже не забывается.

«Что случилось?», спросила Лулье.

Рик вдохнул. «Призраки пришли ночью. Сотни. Лерхенбах больше не стоит. Меня отрезало от остальных. Один призрак повалил меня на землю. Я думал, это конец».

Он посмотрел на Дурима. Во взгляде Рика было то, чего Лулье никогда раньше не видела. «Он меня увидел. У Дурима не было меча. Только вилы из его хлева. Но он побежал. Всадил их этой твари в спину, чтобы я успел уйти».

Голос Рика охрип. «При этом призрак зацепил его. За руку. Он мог убежать. Но он встал передо мной».

Дурим смотрел в землю. «Всего лишь рука», пробормотал он.

«Это была твоя жизнь», резко сказал Рик. Потом он посмотрел на мать и Лулье. «Его семья... все мертвы. Его двор. Все пепел. У него больше никого нет. Я сказал, он может пойти с нами. Если вы согласны».

Мать посмотрела на Дурима. На раненую руку. На то, как он стоял, будто ожидая удара. А потом она сделала то, что делала всегда. Она раскрыла объятия.

«Иди сюда, мой мальчик», мягко сказала она. «Здесь ты в безопасности».

Дурим помедлил. Он сжал здоровую руку в кулак, будто ему нужно было сдерживать самого себя. Потом сдался. Один шаг. Он позволил ей обнять себя. Он не плакал. Но все его тело один раз коротко дрогнуло.

Лулье посмотрела на Рика. На тень в его взгляде. И на Дурима. На груз, который он нес. И она поняла: с этого момента она больше не ребенок, которого защищают.

Они пошли в дом. Никто не говорил. Мать поставила на стол хлеб и суп, но есть никому не хотелось. Они ели вместе. Молча. Было слышно только, как стучат ложки.

Лулье больше не могла ждать. «Ты нашел его?», тихо спросила она. «Дневник».

Рик покачал головой. Он смотрел в пол. «Нет. Все было... пепел. Дым. Мы едва могли дышать». Его голос был хриплым. «Это было тяжело, Лулье. Так тяжело».

Он поднял взгляд. И впервые за этот день улыбнулся. Маленькой, настоящей улыбкой. «Но я нашел друга. Дурима».

Он рассказал о той ночи. О призраке. О вилах. «Он из тех, кто пойдет за своих друзей сквозь огонь. Что бы ни случилось. Черноглазый, упрямый как осел. Но он отдаст жизнь, чтобы тебя защитить».

На следующее утро солнце взошло, будто ничего не произошло.

«Идем», сказал Рик и толкнул Лулье плечом. «Базар. Нам нужна еда. А матери нужен покой».

На базаре было шумно. Кричали торговцы, смеялись дети. На мгновение все показалось нормальным. Лулье остановилась у одного прилавка. Клубника. Темно-красная, сочная. Она любила клубнику. Еще в детстве отец всегда приносил ей первую с рынка.

«Эту», сказала она и показала на нее. «Всю».

Рик рассмеялся. «Всю? Хочешь начать войну?» Но он купил ее. Целую корзину.

По дороге домой Рик вдруг остановился. «Я... я быстро схожу к Дуриму», сказал он. «Его рука. Хочу посмотреть, стало ли ему лучше. Сейчас вернусь».

Лулье кивнула. «Поторопись». И пошла дальше одна, с корзиной клубники в руках.

Она открыла входную дверь.

Корзина выпала у нее из рук. Клубника раскатилась по полу. Красное на дереве. Как кровь.

Перед ней стоял он.

Призрак. Высокий. Кожа серая, как пепел. Пальцы как когти. А на полу, между ним и Лулье, лежала ее мать.

Кровь. Везде кровь. Раны зияли. Слишком много, чтобы сосчитать.

Лулье не могла пошевелиться. Ее легкие забыли, как дышать. Глаза широко раскрылись.

Призрак наклонился. Открыл пасть. Зубы были черные. Он хотел откусить голову ее матери...

Нет.

Что-то сломалось в Лулье. Ни мысли. Ни плана. Только дрожь, прошедшая через все тело. Жарко и холодно одновременно. Кожа заколола. И ее глаза, она это чувствовала, стали фиолетовыми. Темный, глубокий фиолет, который светился в тени.

Ее рука двинулась сама. Схватила деревянное тренировочное копьё Рика, стоявшее у стены.

Один шаг.

Призрак повернулся к ней, удивленный.

Второй шаг.

И тогда она ударила. Без тренировки. Без раздумий. Ее тело просто знало. Дерево попало призраку прямо в грудь. Раздался звук, как будто ломается мокрое дерево. Призрак завизжал. Рассыпался в пыль, не коснувшись пола.

Тишина.

Лулье стояла. Меч дрожал у нее в руке. Глаза снова стали карими. Что... что она только что сделала? Ее тело двигалось само.

«Мама!»

Она бросила меч и побежала к ней. Упала на колени. Кровь липла к рукам. «Мама, пожалуйста», прошептала она. «Пожалуйста, нет».

Слезы текли по ее лицу. Капали на кровь матери. «Накричи на меня», умоляла она. «Скажи цветочек. Что-нибудь!»

Дверь распахнулась. Рик. Он увидел пыль. Увидел клубнику. Увидел мать. Его лицо побелело. «НЕТ!»

Он тут же оказался рядом с ними. «Врача позовите!», закричал он наружу. «НЕМЕДЛЕННО!»

Они пришли. Двое мужчин из стенной стражи. Опустились на колени. Нашупали пульс. Переглянулись. Покачали головами.

Мать открыла глаза. Совсем чуть-чуть. Губы шевельнулись. Еле слышно. «Вынесите... меня... за ворота... умереть... спокойно».

«Нет!», закричала Лулье. Она схватила руку матери. «Ты останешься здесь! Ты останешься со мной!»

Она посмотрела на Рика. Умоляюще. «Скажи им, пусть оставят ее! Рик! Пожалуйста!»

Но Рик плакал. Слезы текли по его лицу. Он посмотрел на мужчин. И кивнул. Один раз. Едва заметно.

«Нет», прошептала Лулье. «Рик, нет!»

Они подняли ее мать. Осторожно. Она была такая легкая. Слишком легкая.

Лулье хотела броситься за ними. Хотела кричать, драться, удержать ее. Но Рик держал ее крепко. Обеими руками. Он был сильным. Сильнее, чем она думала.

«Отпусти меня!», визжала она и отбивалась. «МАМА!»

Ворота города открылись. Совсем чуть-чуть. Ее вынесли наружу. На поле перед стенами. Положили в траву.

А потом ворота закрылись. С грохотом, который разорвал сердце Лулье.

«МАМА!», кричала она, пока голос не сорвался. Пока не осталось только хриплое дыхание. Она била Рика в грудь. «Зачем ты это сделал? Зачем ты позволил им ее унести?»

Рик ничего не сказал. Он только держал ее. И плакал ей в волосы.

В какой-то момент она перестала кричать. Тело сдалось. Ноги подкосились. Все почернело.

Рик поймал ее, прежде чем она ударилась о каменный пол. Он отнес ее домой. Ее руки и ноги безвольно свисали. Как у куклы.

Он уложил ее в кровать. Очень осторожно. Снял с нее обувь. Его руки дрожали.

Он посмотрел на нее. Ее лицо было бледным. Ресницы еще мокрые от слез. Она выглядела такой маленькой. Такой разбитой.

Он наклонился к ней и прошептал, так тихо, что услышать могла только она: «Прости меня, Лулье. Прости, что мамы... что папы... что их обоих больше нет с нами».

Его голос сорвался. Он тяжело сглотнул. «Но я клянусь тебе. С этого момента я буду тебя защищать. Никто больше не причинит тебе боли. Никто».

Он укрыл ее одеялом. Убрал прядь волос с ее лица. Потом встал и вышел из комнаты. Тихо закрыл за собой дверь.

В коридоре он прислонился к стене. Закрыв глаза. «Если бы я только пришел чуть быстрее», прошептал он в темноту. «Совсем чуть-чуть. Тогда он бы ничего не смог сделать маме. Ничего».

Он подошел к окну в коридоре. Отодвинул ставень. На небе висела луна. Большая. Круглая. Белая. Она холодно светила на крыши города.

Рик смотрел на нее. Где-то он слышал, что луна меняется, когда приходит большая беда. Что она становится красной. Кровавая луна.

«Однажды», пробормотал Рик, глядя на луну, «однажды ты станешь красной. И тогда я достану их всех».

Он остался стоять у окна. Смотрел на белую луну. Пока глаза не стали тяжелыми. Пока он не уснул там же, стоя, прислонившись к стене.

Глава 3

Горсть надежды

На следующее утро Лулье проснулась от плохого сна.

Ни картинки. Ни звука. Только чувство, что что-то черное гонится за ней. Она резко открыла глаза и уставилась в стену. Глиняная стена была той же, что и вчера. Но Лулье уже не была прежней.

«Я уничтожу их всех», прошептала она в тишину. Голос был хриплым от крика. «Каждого. Я это сделаю».

Это было не обещание. Это был приговор.

На кухне что-то гремело. Рик встал рано. Он стоял у плиты, спиной к ней. Варил овсяную кашу. Ту самую, которую всегда делала мать. От запаха у Лулье скрутило живот.

Когда она появилась в дверном проеме, он обернулся. Посмотрел на нее. Лицо усталое. Глаза красные от слез. От бессонницы.

«Лули», тихо сказал он. Подвинул к ней миску. «Поешь».

Лулье посмотрела на кашу. Поднимался пар. Три дня назад она бы улыбнулась и поблагодарила. Три дня назад у нее еще была мать.

Она покачала головой. Ни слова. Развернулась, ушла в свою комнату, натянула старую рубашку. Руки не дрожали. Они онемели.

«Лулье, подожди», крикнул ей вслед Рик. «Ты не можешь...»

Но дверь уже захлопнулась у нее за спиной.

На улице воздух был холодным. Наступила осень, а она этого даже не заметила. Город проснулся. Торговцы ставили прилавки. Бегали дети. Жизнь шла дальше. Как будто ничего не случилось.

Лулье просто пошла. Без цели. Лишь бы подальше. Подальше от дома. Подальше от запаха овсянки. Подальше от печального лица Рика.

Тысяча мыслей неслась у нее в голове, и ни одна не задерживалась.

Почему Рик позволил им ее унести? Почему я была так слаба? Почему мое тело двигалось само? Фиолетовый. Мои глаза были фиолетовыми. Что я такое?

А под этим, совсем глубоко, голос, который она знала: цветочек. Голос матери.

Она сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была хорошей. Она была настоящей.

Она потеряла почти все. Отца. Теперь мать. Дом ощущался как могила. А внутри... внутри тот маленький цветочек, как ее всегда называла мать, был полностью уничтожен. Растопан. Рассыпался в пыль.

Ей больше ничего не было важно. Стены. Правила. Рик. Пусть приходят призраки. Пусть забирают все.

Она просто шла прочь. Через ворота квартала. Через поля, которые уже убрали. Все дальше, пока голоса города не превратились в гул. Пока она не осталась одна.

И тут она споткнулась.

Нога зацепилась за что-то твердое. Она не упала. Но остановилась. Посмотрела вниз.

В сухой траве, полускрытая скошенными стеблями, лежала маленькая девочка. Она свернулась калачиком, тонкие руки скрестила над головой, будто так можно спрятаться от мира. Будто в любой момент ждала удара.

Лулье замерла. На одно сердцебиение она забыла дышать.

Потом медленно присела. Земля под коленями была твердой и холодной. «Эй», тихо сказала она. Голос звучал хрипло. Неиспользованно. Будто она не говорила несколько дней.

Девочка вздрогнула. Чуть-чуть приподняла голову. Два больших глаза уставились на Лулье. Темные, настороженные, и такие пустые, какими у ребенка быть не должны.

В этих глазах был голод. И страх. Взгляд, который Лулье слишком хорошо знала. Она видела его сегодня утром в зеркале.

Осторожно, будто касаясь пугливого зверька, Лулье протянула руку. Девочка не отшатнулась. Она вообще не двигалась. Тогда Лулье взяла ее за тонкую руку и помогла встать. Ребенок был легким. Пугающе легким. Под рваным платьем Лулье чувствовала только кожу и кости.

Только сейчас она увидела хлеб. Он лежал в траве, в шаге от них. Полкраюхи, черствый и старый. С одной стороны прилипла грязь. Наверное, выпал у девочки из рук, когда та упала.

Лулье наклонилась, подняла его и как могла отряхнула землю. Потом вложила хлеб обратно девочке в руку. «Вот», сказала она. «Твое».

Маленькие пальцы тут же сомкнулись вокруг хлеба. Крепко. Отчаянно. Будто это самое ценное на свете. Но девочка не откусила. Она только держала его, прижимала к груди и продолжала смотреть на Лулье.

«Куда ты бежишь?», спросила Лулье. Она старалась говорить мягко. «Совсем одна здесь. Это опасно».

Девочка сглотнула. Губы у нее потрескались. Когда она заговорила, голос был тихим и ломким, но удивительно ясным. И нежным. Детство, которое еще не совсем задушили.

«Несколько месяцев назад призраки напали на нашу деревню», сказала она. Слово призраки она произнесла так буднично, будто говорила о погоде. «Наши родители погибли. Теперь я одна с моей маленькой сестрой».

Она замолчала. Вдохнула. Фраза, казалось, стояла ей сил.

«Мы уже давно ничего не ели. Я нашла этот хлеб. На рынке. Один мужчина его уронил. Поэтому я так быстро бежала. Потому что хотела отдать его моей маленькой сестре. Ее зовут...» Она осеклась и посмотрела в землю.

В груди у Лулье стало тесно. С каждым словом девочки что-то сжималось внутри. Узел из жалости, злости, стыда.

Несколько месяцев назад. Ребенок потерял родителей несколько месяцев назад. Живет на улице уже несколько месяцев. Ворует еду, чтобы младшая сестра выжила. А Лулье? Лулье вчера закрылась в своей горе и думала, что никто на свете не поймет, как ей больно.

Она поняла теперь.

Есть люди, которые пережили еще худшее, чем она. Которые потеряли все, и не вчера, а целую вечность назад. И все равно они вставали. Бежали дальше. Ради кого-то другого.

Девочка стояла, прижав твердый хлеб к груди, и ждала. Ждала не жалости. Ждала только, позволит ли Лулье ей уйти.

И в этот момент Лулье поняла, что не сможет.

Маленькая девочка пошла дальше.

Она больше ничего не сказала. Она просто побежала, с твердым хлебом в руке, глядя прямо перед собой. Будто боялась, что Лулье передумает.

Лулье пошла за ней. Молча.

Они покинули поля. Они покинули город.

Лулье нахмурилась. Здесь она еще никогда не была. За старой кожевней, где воняла река, тропинка вела через высокую траву. Здесь никто не ходил. Зачем?

Воздух стал холоднее. Пахло сырой землей, дымом от влажных дров, болезнью.

И тогда она увидела это.

Это был не квартал. Не переулок.

Это был лагерь.

Между сломанными повозками и старыми брезентами люди построили себе хижины. Из мусора. Из досок. Из надежды. Десятки. Может, сотни. Дети с пустыми глазами. Старики, глядящие в никуда. Женщины, варящие суп из воды.

Место для бездомных. Новое место.

Отец никогда о нем не говорил. Мать ничего о нем не знала. За высокими стенами их города, ignored стражей, здесь вырос второй город. Город потерянных.

У Лулье перехватило дыхание. Сколько?, подумала она. Сколько их, кого мы не видим?

Девочка свернула. Между двумя рваными палатками, в угол, защищенный перевернутой повозкой. Там, на земле, лежал кусок картона. Изорванный и влажный.

А на нем лежала ее младшая сестра.

Она была крошечной. Еще меньше Рины. Может, три года. Глаза закрыты. Руки аккуратно лежат вдоль тела. Будто спит.

Но она не спала.

Лулье не могла дышать. Рина опустилась на колени рядом с картоном. Совсем осторожно, будто могла разбудить сестру, если будет шуметь.

Дрожащими пальцами она отломил кусок твердого хлеба. Поднесла ко рту сестры. Губы малышки были синими. Кожа белая, как бумага. Холодная.

«Сестренка», прошептала Рина. Ее нежный голос сломался. «Поешь хлеб. Ты уже несколько дней ничего не ела».

Тишина.

Только где-то в лагере плакал младенец. Больше ничего.

Лулье смотрела сверху на Рину с печальным лицом. Видела, как та ждет. Как в ее глазах мерцает надежда. Надежда, что младшая сестра сейчас откроет глаза.

Но Лулье знала. Она видела цвет кожи. Тишину в груди.

Младшая сестра больше никогда не откроет глаза.

Медленно Лулье опустилась на корточки. Земля была холодной и мокрой. Она взяла руки Рины в свои. Они были ледяными. И дрожали.

«Как тебя зовут?», тихо спросила Лулье.

Рина подняла взгляд. В ее глазах стояли слезы, но она не плакала. Пока нет. «Рина», прошептала она.

Лулье притянула Рину к себе. Крепко прижала к груди. «Рина», прошептала Лулье ей в волосы. «Пойдем ко мне домой. Мы будем есть вместе. Тебе больше не нужно быть одной».

Рина замерла. Потом обмякла. Из нее вырвалось тихое, сломанное рыдание.

Она поняла.

Она поняла, что ее младшая сестра больше никогда не проснется. Что хлеб уже ничем не поможет.

Медленно Рина отстранилась. Она в последний раз погладила сестру по холодной щеке. Ничего не сказала. Потом встала. Вытерла лицо рукавом. И взяла Лулье за руку.

Они не оглядывались, когда уходили из лагеря.

Дорога домой была долгой. Рина не произнесла ни слова. Она только крепко держала Лулье за руку.

Когда они дошли до дома, Рик выбежал наружу, лицо бледное от тревоги. «Лулье! Где ты была?»

Он осекся. Его взгляд упал на Рину. На грязное платье. На босые ноги.

«Кто... кто это?», спросил он. Голос был пустым от шока. Он не знал этого места. Он не знал, что оно существует.

Лулье шагнула вперед. Встала наполовину перед Риной.

Она посмотрела на Рика. Впервые после смерти матери по-настоящему посмотрела.

Лулье посмотрела Рiku прямо в глаза. Ее голос был спокойным, но это было спокойствие перед бурей.

«Рина потеряла родителей», сказала она. «И сестру. С этого дня она будет жить с нами».

Рик стоял. Смотрел на них обеих. На Лулье, которая выглядела так, будто разорвет мир, если кто-то возразит. И на Рину, которая пряталась за ногой Лулье и смотрела на него одним глазом.

Он сглотнул. Он вспомнил вчерашний день. Мать. Крик Лулье, когда он ее держал. Он не сломает ее снова. Не из-за него.

Медленно он кивнул. «Хорошо», сказал он только. Слово далось тяжело.

Потом он присел на корточки, чтобы быть на уровне глаз Рины. Попытался улыбнуться, хотя глаза не улыбались. «Привет, маленькая. Сколько тебе лет?»

Рина отпустила платье Лулье одной рукой. Чуть выпрямилась. И вот он, впервые с тех пор как Лулье ее нашла, проблеск гордости в ее взгляде. «Девять», ответила она. Четко и ясно.

Рик рассмеялся. Это был короткий, честный смех. «Хаха, я на семь лет старше тебя. В шестнадцать я, значит, практически древний».

Рина посмотрела на него. Ее голубые глаза, которые только что были пустыми, начали блестеть. И тогда, совсем тихо, она тоже начала смеяться.

Это был не настоящий смех. Скорее хихиканье. Надломленное. Но оно было.

Лулье почувствовала, как что-то отпускает у нее в груди. Она улыбнулась. Впервые после смерти матери это не казалось неправильным.

Она пошла на кухню и дала Рине поесть. Хлеб. И даже кусок сыра, который они вообще-то хотели оставить на завтра.

День они провели вместе. Рик показал Рине, как из палки и веревки сделать ловушку для полевых мышей. Лулье заплела ей волосы. Они не говорили о матери. Не о сестре. Не о призраках. Они просто делали вид, что сегодня обычный день.

Вечером Лулье дала Рине что-нибудь новое надеть. Старое свое платье, которое было Рине сильно велико. Она подвернула рукава и подвязала поясом.

Перед сном Лулье вымыла Рине волосы. Они были длинные, светло-каштановые, почти русые, и все в колтунах от жизни на улице. Лулье не торопилась. Осторожно промыла их мыльной водой. Вычесала каждый узел.

Когда она закончила, они блестели.

Она уложила Рину в кровать. Укрыла. «Хочешь сказку?», тихо спросила Лулье.

Рина кивнула, глаза уже наполовину закрыты.

Тогда Лулье рассказала. Про маленькую девочку, которая нашла птицу со сломанным крылом. И как она выходила ее, пока та снова не смогла летать.

Скоро Рина уснула. Дыхание было ровным.

Лулье и Рик тоже легли. Впервые за несколько дней они уснули без того, чтобы Лулье плакала.

На следующее утро две девочки проснулись рано. Рик еще храпел.

Тихо они занялись домом. Подмели пол. Заправили кровати.

Потом Лулье пошла вешать белье. Рина хотела поиграть с другими детьми. «Иди», сказала Лулье. «Площадка прямо рядом с домом. Я вижу тебя со двора».

Рина побежала. На маленькой игровой площадке рядом с домом играло несколько детей. Она помедлила, потом подошла к мальчику, который играл с деревянной лошадкой.

Она хотела поиграть вместе. Потянулась к ней. Дернула слишком сильно.

Хруст.

Нога у деревянной лошадки отломилась.

Мальчик, ему было лет десять, уставился на свою игрушку. Нижняя губа задрожала. А потом он заплакал. Громко. Разрывая сердце.

«Прости!», залепетала Рина. В глазах паника. «Я не хотела...»

Лулье тут же оказалась рядом. Бросила корзину с бельем и подбежала. «Извини», сказала она мальчику. «Мы все починим. Мой брат хорошо режет по дереву, он...»

«Такео!»

Резкий голос разрезал воздух. По дорожке спешила женщина. Она взяла плачущего мальчика на руки, осмотрела сломанную игрушку и бросила на Лулье злой взгляд.

Лулье как раз хотела извиниться еще раз, когда как следует посмотрела на женщину.

Сердце остановилось.

Лицо. Шрам на брови. То, как она носила волосы.

«Тетя Мэри?», прошептала Лулье. Голос отказал. «Тетя Мэри!»

Женщина замерла. Опустила Такео и посмотрела на Лулье. По-настоящему посмотрела. Потом закрыла рот руками. «Лулье? Маленький цветочек? Не может быть».

Лулье бросилась ей на шею. Она думала, тетя Мэри погибла в старой деревне. Тогда, при первом нападении призраков. Все погибли. Все, кроме них.

Но вот она. Живая.

Тетя Мэри крепко обняла ее. «Я думала, вы... Я думала, никто не выбрался».

Позже они сидели у тети Мэри в маленькой хижине. Она заварила чай. Лулье рассказала ей все. Про новую деревню. Про Дурима. Про мать. Когда она рассказывала о смерти, голос сорвался.

Тетя Мэри обняла ее и утешала. Гладила по спине, как раньше делала мать.

«Все хорошо», соврала Лулье и вытерла слезы. «У нас теперь есть Рина. И Рик».

На улице Рина и Такео уже давно помирились. Рик починил деревянную лошадку своим ножом. Теперь они оба сидели в траве и строили замок из камней. Будто ничего и не было.

Глава 4

Шаг в войну

У них не было даже целого дня.
Только это одно утро.
Рина смеялась. Такео строил замок. Тетя Мэри налила Лулье сок.
Потом крик разорвал небо.
«ПРИЗРАКИ! НА СЕВЕРНОМ ПОЛЕ! ПРИЗРАКИ!»
Чашка разбилась вдребезги. Лулье сорвала свой меч со стены.
«Тетя Мэри! В дом! Рик там!»
Тетя Мэри схватила детей. Прочь.
Лулье побежала. Туда.
Северное поле горело. И они были там.
Призраки.

Ростом с мужчин, плечи широкие как ворота амбара. Кожа черная как смола, матовая и жесткая, натянутая поверх мышц из камня. Лиц у них не было. Только гладкая черная масса, и в ней два отверстия, которые светились фиолетовым. Глаза. Фиолетовые глаза, горевшие голодом. Из пальцев росли черные когти, длинные как кинжалы, изогнутые, зазубренные. Когда они двигались, их суставы хрустели.

Один крестьянин лежал в грязи. Живот был распорот. Один из призраков стоял над ним на коленях, черная морда глубоко в плоти мужчины.

Лулье закричала. Не от страха. Чистая ярость.
Она была у первого призрака раньше, чем он поднял голову.
Ее клинок ударил его в плечо.
ТЯСЬ.

Черная кожа лопнула как кожаный ремень. Под ней не было крови. Только чернота. Густая, маслянистая чернота. Призрак взревел.

Он развернулся. Черная лапа метнулась к ней. Лулье бросилась назад. Когти прошли мимо ее лица на волосок.

Она жестко упала на спину. Тварь была над ней. Она разинула пасть, разрыв полный игольчато-острых черных зубов.

Лулье всадила меч вверх. Обеими руками.
Клинок прошел через пасть, вышел сзади из затылка. Тварь дернулась.
Лулье ударила ногой. Ногой в грудь. Та отшатнулась. Она вырвала меч.
Тварь упала на колени. Фиолетовые глаза замерцали.
Потом она рассыпалась.

От кончиков рогов до когтей она растворилась. Кожа, мышцы, кости, все превратилось в мелкую черную пыль, которую унес ветер. Осталось только темное пятно.

«ОДИН МИНУС!», закричал кто-то. «УБЕЙТЕ ПРИЗРАКОВ!»

Один мертв. Еще один.

Вторая тварь схватила мельника. Держала его за горло в воздухе.

Лулье рванула. Прыгнула. Всем телом в спину призрака.

Он споткнулся. Выронил мельника.

Тварь повернулась к ней. Фиолетовые глаза впились в нее.

Тут подоспели бойцы.

Дури́м впереди. Топор в руке. Десять мужчин и женщин за ним.

«ПРИЗРАКИ!», заорал Дурим. «В СТРОЙ!»
Его топор опустился.
ТРЯСЬ.
Он расколол черное предплечье твари. Ни крови. Только сухой треск. Тварь взревела.
Лулье использовала секунду. Ее клинок нашел щель под ребрами. Она ударила. Глубоко.
Тварь выгнулась, и топор Дурима прилетел сверху. Попал в череп. Расколол его.
Фиолетовое свечение в глазах погасло.
Тварь упала на колени. И рассыпалась.
Превратилась в черную пыль, которую ветер понес через поле.
Тишина.
Только тяжелое дыхание. Треск огня. Едкий запах серы.
Потом ликование. «Дурим! Лулье! Они прикончили призраков!»
Лулье стояла. Ее меч был чистым. Ни капли крови. У призраков никогда не бывает крови.
Только пыль на клинке.
Движение.
За Дуримом.
Третий призрак. Меньше. Прятался в тени.
Теперь он прыгнул. Черные когти нацелены прямо в сердце Дурима.
Никто не закричал. Не было времени.
Кроме Лулье.
Она не думала. Ее тело рвануло вперед.
Два шага.
Ее меч уже был наверху.
Клинок встретил призрака прямо в прыжке.
Чистый разрез. От плеча до бедра.
Тварь разрубило на две части. Части упали слева и справа от Дурима в грязь.
На одно сердцебиение они лежали там. Черные. Массивные. Настоящие.
Потом рассыпались. Обе половины растворились, превратились в облака черной пыли,
которые исчезли.
Лулье стояла. Тяжело дыша.
Дурим медленно обернулся. Когти должны были пронзить его. Теперь там был только воздух.
Он посмотрел на оседающую пыль. Посмотрел на Лулье. Посмотрел ей в глаза.
Его лицо побелело.
«Фиолетовые», прошептал он. «Лулье... твои глаза фиолетовые».
В этот момент меч выпал у нее из рук. Звон.
Она уставилась на пятно, где рассыпался призрак. Только черная пыль.
И на одно сердцебиение в поднявшейся пыли сформировалось лицо.
Не ее собственное.
Знакомое.
Лицо...
Оно развеялось, прежде чем она успела его ухватить. Но чувство осталось. Ледяным холодом в груди. Она знала это лицо. Она уже видела его раньше. Где?
«Что... что сейчас со мной было?», голос у нее сорвался.
Никто не ответил. Жители деревни смотрели. Бойцы отступили.
Даже Дурим. Из-за ее глаз.
«Все в порядке?», тихо спросил он.
«Да», соврала она. Ложь имела привкус серы. «Все хорошо».
Она отступила назад, спотыкаясь. Прочь от взглядов. Прочь от пыли.

Она побежала.

«Тетя Мэри!» Она распахнула дверь.

Тетя Мэри стояла там. Рина за руку. Такео, Рик позади нее. Все живы.

«С вами все хорошо?», выдохнула Лулье.

«Мы в безопасности», сказала тетя Мэри. «Призраки сюда не дошли. Рик завел нас внутрь».

Рина бросилась к Лулье. «Ты спасла его!», закричала она. «Ты убила призрака, прежде чем он достал Дурима! Ты героиня!»

Лулье крепко держала ее. Не могла улыбнуться.

Потому что в голове у нее была только пыль.

И знакомое лицо, которое она не могла распознать.

Снаружи собирались жители деревни. Они аплодировали. Выкрикивали их имена. Обнимали бойцов.

Все кончилось.

Они победили.

Призраки мертвы. Все трое.

Дурим поднял ее клинок с земли. Он медленно подошел к ней к окну. Посмотрел на нее. Не зло. Осторожно.

«Ты спасла мне жизнь», тихо сказал он, так чтобы слышала только она.

Потом развернулся и пошел к остальным.

Рик встал рядом с ней. Ничего не сказал. Просто положил руку ей на плечо.

Лулье посмотрела на Рину у себя в объятиях.

Потом кивнула. Один раз.

Ее глаза снова были зелеными.

Но она знала:

Бой закончился.

Но что-то только что началось.

Вместе они пошли домой, улицы еще тихие после того, что только что произошло. Пыль призраков лежала как пепел на крышах, но солнце уже снова стояло высоко в небе, будто ничего не случилось. Две девочки, Рик, тетя Мэри и маленький Такео попрощались друг с другом перед домом, долгими объятиями, которые говорили больше слов. Тетя Мэри обняла Лулье особенно крепко, провела рукой по ее волосам и прошептала только: «Спасибо». Такео махал, пока они не скрылись за углом.

Когда они пришли домой, пахло деревом и старым чаем, безопасностью. Но Лулье не находила покоя. Она села с Риком за стол, руки еще слегка дрожали после боя, и рассказала ему все. Про черные когти, про запах серы, про пыль. А потом, тише: «Когда последний призрак рассыпался... там было лицо. В пыли. И оно показалось мне знакомым, Рик. Как-то... только я не знаю откуда».

Рик слушал. Долго. Взгляд был спокойным, но пальцы один раз коротко простучали по столу. Потом он положил свою руку на ее. «Лулье», сказал он, «ты сегодня убила трех призраков и спасла целую деревню. Не думай слишком много о пыли. Иногда голова играет с нами шутки, когда мы слишком много увидели».

Лулье кивнула, хотя знакомое лицо не давало ей покоя. Оно было там, за ее глазами, каждый раз, когда она моргала.

Рина все это время сидела рядом с ними, поджав ноги, глаза большие. Когда Лулье замолчала, она подвинулась ближе. «Я тоже хочу быть сильной», прошептала она. «Такой сильной, как ты. Чтобы в следующий раз я могла помочь. Чтобы мне больше не было страшно».

И так вышло, что с этого дня Лулье стала учить Рину драться. Каждое утро, прежде чем солнце по-настоящему вставало, они стояли на заднем дворе. Сначала только стойка, баланс,

как держать деревянный меч. Потом увороты, удары, дыхание. Рина падала. Вставала. Падала снова. И смеялась при этом.

Прошло три месяца.

Три месяца без призраков. Три месяца, за которые поля снова зазеленели и дети смеялись, будто нападение было лишь дурным сном. У них все было хорошо. Почти все. Только ночью, когда Лулье лежала в кровати и натягивала одеяло до подбородка, она иногда все еще видела это: лицо в пыли. Знакомое. И все же недосягаемое.

Однажды пришла весть из королевства.

Ее зачитали посреди рыночной площади. Гонец стоял на ступенях ратуши, поднял печать и читал твердым голосом. Люди замолчали. Даже дети перестали играть.

Бойцы Крауна и бойцы Стоуна, последнего королевства, должны были выступить вместе. Несколько дней они будут сражаться за стенами. Их задача была ясна: выяснить, что изменилось в пустошах. Какие пути еще безопасны. И не шевелится ли там снаружи что-то темное.

Лулье стояла в самом конце толпы. Она слышала каждое слово. И с каждым словом покалывание в ее пальцах становилось сильнее.

Вот оно. Ее шанс.

Еще прежде чем гонец успел свернуть свиток, она шагнула вперед. Люди расступались, когда она проходила. Рик увидел, как она идет. Его лицо тут же стало жестким.

«Я иду с вами», сказала Лулье. Голос был негромким, но его было слышно на всей площади.

«Нет». Рик встал у нее на пути. Встал перед ней, широкий и непреклонный как стена. «Ты останешься здесь».

Лулье посмотрела ему прямо в глаза. Она ничего не сказала. Ей и не нужно было ничего говорить.

Рик тихо выругался. Он знал, что проиграл. Он знал этот взгляд. Тот же взгляд был у нее тогда, когда она встала на пути у призрака, чтобы спасти Дурима. Если Лулье что-то вбила себе в голову, остановить ее уже никто не мог.

И он знал и то, почему она хотела идти. Дело было не в славе. Не в королевстве.

Она искала дневник.

В конце концов он согласился. Но поставил условие.

Рина остается.

«Она пойдет к тете Мэри», сказал Рик. «К Такео. Там она будет в безопасности, пока мы не вернемся».

Лулье только кивнула. Она и сама хотела того же.

Еще тем же вечером они отвели туда Рину. Тетя Мэри уже ждала у двери. Она молча обняла Рину. Прощание было коротким. Говорить было особо нечего.

Рина крепко обняла Лулье. «Береги себя», прошептала она ей на ухо. «И возвращайся. Ты должна вернуться». Потом она отступила на шаг и подняла деревянный меч, который Лулье вырезала для нее три месяца назад. «Я буду тренироваться каждый день. Обещаю».

Лулье улыбнулась и провела рукой по ее волосам. «Знаю».

На рассвете, когда небо еще было серым и роса лежала на полях, Рик повел ее в штаб.

Это было не обычное здание. Старая крепость из темного камня, с высокими стенами и тяжелыми железными воротами. Над входом висело знамя бойцов, порванное, заштопанное, но все еще там. Двор за ним был местом сбора. Просторный, круглый, с утоптанной землей. А в центре в камне торчало обломанное копьё. Как памятник. Каждый боец касался его, прежде чем выйти за стену.

Там они уже ждали.

Рик встал рядом с Лулье и положил ей руку на плечо. Голос у него был спокойный, но достаточно громкий, чтобы каждый во дворе его услышал.

«Это Лулье», сказал он. «Моя сестра».

В штабе стало тихо. Двадцать пар глаз уставились на нее.

И это были не обычные люди.

Рик провел ее по двору штаба. Земля была утоптана, вся в царапинах от сапог и кончиков мечей. «Это мои люди», тихо сказал он. Потом остановился и кивнул в сторону группы.

Первым к ней подошел Сол Пердидо. Черные волосы, голубые глаза, улыбка, от которой весь двор становился светлее.

«Ты, должно быть, та самая знаменитая сестра», крикнул он еще издалека. «Слушай, Рик всем рассказывает, что ты уложила трех призраков разом. Я ему ни слова не верю...

Разве что докажешь мне потом». Он подмигнул Лулье и протянул ей руку. Манера у него была громкая, веселая, но не навязчивая. Лед тут же был сломан.

Потом Рик представил ей еще двоих друзей.

Калев Джентил стоял чуть в стороне. Темно-каштановые волосы, серые глаза, осанка прямая, но закрытая. Он только коротко кивнул ей. Без улыбки. Голос спокойный, почти холодный. «Добро пожаловать». Больше он ничего не сказал.

Рик наклонился к Лулье и прошептал: «Он такой. Но он верный. Тем немногим, кого подпускает близко. Просто не показывает этого». Лулье поверила ему. Во взгляде Калеба было что-то настороженное. Будто он постоянно наблюдал за каждым во дворе.

Вторым был Майло Уорд. С ним было по-другому. Он сразу улыбнулся, открыто и дружелюбно. Светлые волосы, зеленые глаза, и кожа, обожженная солнцем снаружи за стенами. Загар шел ему. Он выглядел как человек, с которым можно проговорить часами.

«Рик много о тебе рассказывал», сказал Майло. «Если ты хоть наполовину такая же упрямая, как он, мы отлично поладим». Он рассмеялся, и Лулье пришлось рассмеяться вместе с ним. С Майло все сразу становилось легче.

Лулье выдохнула с облегчением, увидев, что она не единственная девушка. К счастью, вызвались еще две.

Атанасия и Лефу были сестрами. Это было видно сразу, хотя они были совершенно разными.

У Атанасии Истории были короткие черные волосы и светло-карие глаза. Она стояла наполовину за Лефу, смотрела в пол и только коротко подняла руку в знак приветствия. Голос был едва слышен. «Привет». Она была застенчивой. Настолько застенчивой, что становилось почти больно.

Лефу же была полной противоположностью. Темно-рыжие волосы, тоже светло-карие глаза, и заразительная улыбка. Она шагнула вперед, схватила руку Лулье и крепко пожала. «Наконец-то еще одна девчонка! Я уже думала, придется тащиться одной с этими идиотами». Она показала большим пальцем на Сола, который протестующе поднял руки. Лефу была активной, дикой и с чувством юмора. Именно то, что сейчас было нужно Лулье.

Последним подошел Дурим.

Его Лулье уже знала. Широкий топор за спиной, шрам на брови. Он ничего не сказал. Только кивнул ей. С уважением. Как равной среди равных. Это стоило больше тысячи слов.

Все эти люди были друзьями Рика. Самыми близкими. Но Лулье видела, что во дворе стояло еще много других бойцов. Мужчины и женщины, молодые и старые. Кто-то точил клинки. Другие проверяли луки. Выступление было совсем близко.

И впервые с рыночной площади Лулье не чувствовала себя одинокой.

После того как все познакомились, стало серьезно.

Зазвучали приказы. Затягивались кожаные ремни, проверялись клинки, последние припасы укладывались в седельные сумки. Большой болтовни больше не было. Только звон стали и фыркание лошадей.

Потом они двинулись.

Длинная колонна вышла из штаба. Впереди ехали самые опытные бойцы со знаменами королевств Краун и Стоун. За ними шли повозки с провиантом, оружием и перевязочными материалами. А между ними: Лулье, Рик и его друзья. Все верхом. Все вооружены.

Сол ехал рядом с ней и травил очередную дурацкую шутку. Майло еще раз проверял карты. Кaleb молчал и следил за окрестностями. Лефу махала каждому ребенку, стоявшему у обочины. Атанасия держалась близко к сестре. А Дурим с несколькими другими замыкал колонну.

Так они ехали дальше.

Показались железные ворота внешней стены. Они были огромными. Выше трех домов, из темного металла, в царапинах и вмятинах от старых атак. Когда они открылись, они заскрипели как умирающий зверь. За ними лежала пустошь.

Лулье задержала дыхание. Впервые в жизни она выезжала наружу. Ветер здесь пах иначе. Дико. Свободно. И опасно.

Они ехали до условленной точки. Там стоял старый, разрушенный таможенный пост, наполовину заросший колючками. Он находился ровно на границе между территориями королевств.

И там они уже ждали.

Бойцы из другого королевства. Их доспехи выглядели иначе. Их знамена несли чужие знаки. Но взгляды были те же. Настороженные. Уставшие. Решительные.

На мгновение обе группы стояли друг напротив друга. Никто не вытаскивал оружие. Потом вперед вышел предводитель других. Мужчина с седой бородой и глубоким шрамом через грудь. Он поднял руку в знак приветствия.

Рик ответил на жест. «Мы здесь», сказал он только.

Мужчина кивнул. «Тогда едем вместе».

Они поздоровались коротко, рукопожатием и кивком. Никаких больших речей. На это не было времени. Опасность ждать не будет.

Так что конвой объединились. Колонна стала длиннее, облако пыли больше. Вместе они поехали дальше. Глубже в пустошь. Туда, где заканчивались карты и начинались истории.

Два часа они ехали через пустошь.

Солнце стояло высоко, но здесь оно не давало тепла. Только резкий свет, делавший каждую тень жесткой. Ветер нес пыль и запах сухой травы. В остальном было тихо. Слишком тихо.

Потом перед ними появилось оно. Зброшенная деревня.

Дома еще стояли, но крыши провалились. Оконные проемы черно смотрели в пустоту. Нигде не поднимался дым. Ни один голос не звал. Только скрип двери, которую мотало ветром туда-сюда.

«Спешиться», приказал предводитель с седой бородой. «Осмотрим. Быстро и тихо».

Они рассыпались. По двое, по трое. Кaleb проверил колодцы. Майло искал следы. Лефу и Атанасия прочесывали сараи.

Лулье шла с Риком через пустой дом. Пол был покрыт пылью. В углу лежал опрокинутый стул. Больше ничего. Только тишина.

«Здесь больше ничего нет», сказал Рик. «Только крысы».

В одном подвале они все-таки кое-что нашли. Несколько мешков с черствым хлебом. Несколько сморщенных яблок. Немного, но лучше чем ничего.

«Собирайте», сказал Дурим. «Уходим».

Все вздохнули с облегчением. На мгновение Лулье подумала, что на этот раз все будет просто.

Потом она это увидела.

Сначала только краем глаза. Движение между двумя домами. Мерцание. Будто сам воздух разрывался.

Потом еще одно. И еще.

Сердце Лулье остановилось. В горле пересохло.

«Народ», закричала она так громко, как могла. «Призраки идут!»

Они вырвались из переулков. Не фигуры из тумана. Они были реальны. Искривленные. Их тела слишком длинные, руки слишком тонкие. Пасти полные черных зубов.

И их глаза...

Они не были пустыми. Они светились. Фиолетовым. Глубоким, ядовитым, как гниющие аметисты. Свет в них пульсировал. Это было самое страшное в них. Будто они смотрели прямо тебе в душу.

Первый бой начался без предупреждения.

Сол вскинул меч и первым бросился вперед. «Ну наконец-то!», заорал он. Его клинок попал призраку прямо в грудь. Призрак завизжал, звук ввинчивался в голову. Но кровь не брызнула.

Он рассыпался. В пыль. Серую, сухую пыль, которая тут же разлетелась по ветру. Будто его никогда и не было.

Везде вдруг поднялся шум. Сталь о кости. Крики. Приказы.

Кaleb дрался молча. Ни одного лишнего движения. Каждый его удар был смертельным. Он уворачивался, шаг вперед, и очередной призрак с тихим хлопком рассыпался в пыль.

Майло крикнул: «Цельтесь в голову! Или в грудь!» Он прикрывал Атанасию, которая дрожащими руками держала кинжал, но все равно ударила, когда призрак потянулся к ней. Его фиолетовые глаза оказались близко к ней. Слишком близко.

Лефу смеялась. Прямо посреди боя. Дико, свободно. «Мне нравится цвет глаз!», крикнула она и проткнула копьем горло призрака. Он тут же рассыпался облаком пыли.

Рик дрался как берсерк. Он стоял перед Лулье, прикрывал ей спину, пока она сама вытаскивала нож. Она чувствовала страх, но не давала ему победить. Она думала о Рине. О дневнике. Она ударила. Попала. И призрак перед ней растворился в пыли, осевшей ей на сапоги.

Было тяжело. Было грязно. Земля была не красной от крови, а серой от пыли призраков. Воняло палеными волосами и старой сухой землей.

Но они держались. Плечом к плечу. Краун и Стоун.

Один за другим призраки рассыпались. Пока последний с булькающим звуком не рухнул на землю и не растворился в последнем облаке пыли.

Тишина. Только их собственное тяжелое дыхание. И везде мелкая пыль, висящая в воздухе.

Потом Сол запрыгнул на кучу обвалившихся кирпичей. Он поднял меч в воздух, весь такой шут, каким он и был.

«Эй, вы, призраки!», крикнул он в пустоту. «Ну что, кто тут самый сильный, а?»

Лефу фыркнула. Потом Майло. Даже Кaleb скривил рот. На мгновение они все смеялись. Измотанные. С облегчением. Живые.

Но смех быстро умер.

Потому что вот оно снова. Этот звук.

Не визг на этот раз. А шаги. Тяжелые, глухие шаги. Много. Будто целая армия маршировала по пыли. Земля слегка вибрировала.

Рик резко обернулся. Его лицо побледнело.

Из низины за деревней шли они. Десятки. Может, сотня. Целая орда призраков. Больше первых. Их тела массивнее, когти длиннее.

И у всех были эти глаза. Сотни фиолетовых огней вдали. Они пульсировали в такт. Как единый злобный организм.

«О нет», прошептал Сол. Улыбка исчезла.

«По коням!», заорал предводитель с седой бородой. «Немедленно! Давайте!»

Началась паника. Не организованное отступление. Это было бегство.

Они запрыгивали на лошадей, рвали поводья. Лулье схватила гриву своего коня, вскочила в седло. Рядом с ней выругался Рик, когда его конь шарахнулся.

Позади них орда сорвалась с места. Призраки побежали. Быстро. Нечеловечески быстро. Их визг слился в один оглушительный хор.

Лошади неслись галопом, пыль била в лицо. Зброшенные дома проносились мимо.

А призраки не отставали. Волна из искореженных тел и фиолетового света. Они бежали следом. Неостановимые. Голодные.

Бой закончился.

Началась охота.

Глава 5

Заброшенная башня

Орда приближалась.

Лошади выбились из сил. Особенно повозка в середине колонны, она ехала всё медленнее. Она тормозила всех.

Дурим прискакал назад, его лицо было искажено от злости.

«Эта штука нас всех угробит!» — проорал он сквозь шум. «Надо разорвать верёвку от повозки! Немедленно! Иначе они нас догонят!»

Рик только коротко кивнул. «Делай!»

Лулье направила коня к повозке. Её руки дрожали, когда она потянулась к толстому канату, который связывал повозку с упряжными лошадьми. Она вытащила нож. Кожа была старой, но прочной. Она замахнулась, чтобы перерезать её.

В этот момент брезент на крыше повозки шевельнулся.

Две маленькие фигурки свалились вниз. Прямо перед Лулье в пыль.

Такео и Рина.

Лулье застыла. Нож чуть не выпал у неё из руки. Сердце пропустило удар.

А потом внутри неё всё взорвалось.

«Что вы тут делаете?!» — закричала она. Голос сорвался, почти потонул в грохоте копыт и визге призраков. «Вы что, с ума сошли?!»

Рина посмотрела на неё снизу вверх. Лицо в пыли. Глаза огромные от страха и упрямства. Такео вцепился в руку Риной. Никто из них не произнёс ни слова.

Времени на разговоры не было. Фиолетовые глаза были уже слишком близко.

Лулье действовала. Она наклонилась с коня, схватила Рину за воротник и рванула её вверх с силой, которой сама от себя не ожидала. Другой рукой она подхватила Такео. Оба ребёнка теперь висели у неё в седле. Тяжело. Неловко.

Свободной рукой она подняла нож и ударила по канату. Раз. Второй.

Кожа поддалась.

Повозка резко отстала, осталась позади. Призраки тут же набросились на неё. Было слышно, как трещит дерево.

«К мосту!» — крикнул Рик спереди. «Все к мосту!»

Перед ними зияло ущелье. Через него вёл старый каменный мост. Ветхий, узкий, но это было их единственное спасение.

Они поскакали через него. Камень крошился под копытами. Внизу была только чернота.

Едва последние перебрались на ту сторону, Лулье с двумя детьми, Рик сразу за ней, как Рик и Дурим развернулись.

Не сказав ни слова, они подняли топоры.

Они стали бить по старым опорам. По прогнившим канатам. По трухлявому дереву.

Треск. Хруст.

Мост не выдержал. С оглушительным грохотом он обрушился в ущелье.

На другой стороне орда остановилась. Призраки визжали. Их фиолетовые глаза горели от ярости. Они тянули когти, но не могли перебраться. Пропасть была слишком широкой.

На мгновение наступила тишина. Только тяжёлое дыхание людей и лошадей.

Потом Лулье развернулась в седле. Её лицо было бледным от злости.

Она уставилась на Рину и Такео.

«Вы совсем с ума сошли?» — прошипела она. Голос дрожал. «Вы понимаете, что вы наделали? Мы могли умереть! Все!»

Рина опустила взгляд. Но она не плакала. «Мы не хотели оставаться одни», — прошептала она. «Мы хотели быть с тобой».

Такео только молча кивнул.

Лулье сжала зубы. Больше она ничего не сказала.

Она отвернулась и поехала вперёд.

Лошади шли уже только шагом. Все были вымотаны до костей. Никто больше не разговаривал. Слышался только скрип кожи и фыркание животных.

И тогда они увидели его.

Башня стояла одна на холме. Чёрная на фоне ночного неба. Верхушка была обломана, будто её съёс великан. Камни выглядели старыми, но крепкими.

«Сюда», — хрипло сказал Рик. «На эту ночь».

Они завели лошадей через тяжёлые, окованные железом ворота во внутренний двор. Ворота заскрипели, когда Дурим и Сол закрыли их за ними. С глухим стуком брус упал в пазы.

Пока что они были в безопасности.

Внутри башни было холодно. Пахло пылью и старым камнем. Майло нашёл в нише несколько факелов. Их мерцающий свет бросал пляшущие тени на круглые стены.

Они просто повалились на пол. Ни у кого не было сил подниматься наверх.

Из седельных сумок они достали чёрствый хлеб и яблоки из заброшенной деревни. Ели молча. Каждый кусок был сухим, но это было лучше, чем ничего.

Потом они легли. Кто-то завернулся в плащи. Кто-то просто прислонился к стене. Усталость была сильнее страха.

Один за другим они провалились в тревожный сон.

Лулье лежала спиной к холодной стене. Такео уже спал, уткнувшись головой ей в бок. Но сама она никак не могла успокоиться.

Потом она почувствовала движение рядом.

Рина тихо села. В свете факела её лицо выглядело худым и виноватым.

«Лулье?» — прошептала она.

Лулье повернула голову. Она ничего не ответила.

«Я... прости меня», — сказала Рина. Её голос был еле слышен. «Из-за повозки. Из-за всего».

Лулье посмотрела на неё. Её собственное лицо было усталым. И грустным.

Потом она притянула Рину к себе и крепко обняла.

«Рина», — прошептала она ей в волосы. «Я знаю, что ты умеешь хорошо драться. Ты сильная. Но я волнуюсь за тебя. И за Такео. Вы ещё слишком маленькие».

Рина прижалась к ней. «Всё будет хорошо», — пробормотала она. «Правда».

Она легла рядом с Лулье. Совсем близко. И на этот раз они обе уснули.

Посреди ночи они проснулись.

Сначала Лулье. Потом Рина.

Это был звук. Царапанье. Визг. Он доносился снаружи, со стен.

Призраки были здесь.

Лулье затаила дыхание. Рядом с ней проснулся Рик. Потом Сол. Один за другим.

Они лежали тихо и слушали. Скрежет когтей по камню. Глухие удары по внешней стене. И между ними этот высокий, мерзкий визг.

Заснуть больше никто не мог.

Тяжёлый брус крепко лежал в пазах.

Ворота башни были закрыты, так что призраки не могли войти.

Царапанье и визг снаружи не прекращались. Тихо, но постоянно. Спать никто не мог.

Лулье нащупала свой мешок. Достала свечу и зажгла её. Маленький огонёк задрожал и немного отогнал тяжесть темноты.

Постепенно к ней подсели все остальные. Они образовали круг вокруг свечи. Снаружи призраки, внутри их дыхание и потрескивание пламени.

Они тихо разговаривали. О доме. О еде, по которой скучали. О всяких глупостях, просто чтобы заполнить тишину.

Солу это быстро наскучило. Он закатил глаза.

«Раз уж мы всё равно не спим», — сказал он и широко ухмыльнулся, «то я расскажу вам историю. Настоящую».

Он наклонился вперёд. Свеча бросала глубокие тени на его лицо.

«Знаете про Чёрного Всадника? Он приходит ночью без головы. И ищет детей, которые прячутся в темноте...»

Такео вздрогнул. Рина тут же схватила Рика за руку и вцепилась в него. Глаза у неё были огромные.

Такео тоже подполз ближе к Рiku и прижался к нему.

Лулье посмотрела на эту троицу и рассмеялась. Это был тихий, освобождающий смех, который на мгновение разбил напряжение. Рядом с ней усмехнулся Дурим.

Рик посмотрел вниз на двоих детей, прижавшихся к нему. Он поднял бровь.

«Ну да», — сказал он сухо. «Я теперь что, ваш отец, раз вы меня так крепко обнимаете от страха?»

Рина уткнулась лицом ему в плечо, но Лулье видела, что она улыбается.

Вдруг встал Калёб. Всё это время он молчал.

«Это бесполезно», — сказал он холодно. «Если мы все не будем спать, завтра мы будем ни на что не годны». Он обвёл всех взглядом. «Делимся на две группы. Одна спит до рассвета. Другая охраняет ворота. После рассвета меняемся».

Майло тут же кивнул. «Хорошая идея».

Разделились быстро, без споров.

В группе нынешних стражей были Лефу, Майло, Дурим, Сол, Лулье, Калёб и трое из другого королевства.

Динара, девушка с длинными каштановыми волосами и голубыми глазами. Вуко и Зев, два крепких парня, тоже из другого королевства.

После разделения вторая группа легла спать.

Рик, Атанасия, Такео, Рина и остальные бойцы завернулись в плащи. Через несколько минут послышалось ровное дыхание. Усталость оказалась сильнее страха перед царапаньем за стенами.

Калёб подождал, пока станет тихо. Потом встал.

«Посмотрю в подвале», — тихо сказал он. «Может, найдётся ещё еда на потом».

Он взял со стены факел и спустился по узким каменным ступеням. Пахло сырой землёй и старым деревом.

Внизу был Дурим. Он сидел на корточках перед несколькими ящиками и как раз завязывал мешок.

«Я уже всё нашёл», — сказал он, не поднимая глаз. «Чёрствый хлеб. Вяленое мясо. Несколько яблок. На завтра хватит».

Калёб остановился в дверном проёме. Факел бросал дрожащие тени.

«Спасибо», — сказал он. Голос был холодным. Деловым. «Что ты уже всё сделал».

Дурим только пожал плечами. «Кто-то же должен».

Калёб коротко кивнул. Потом развернулся и пошёл обратно вверх. Он не стал возвращаться в главный зал. Вместо этого он остановился на узком балконе, отходившем от винто-

вой лестницы. Он опёрся руками о холодные перила и смотрел в ночь. Внизу только чернота. Наверху звёзды. И повсюду тихое завывание призраков.

Вскоре после этого вниз по лестнице спустилась Лулье.

«Нужна помощь?» — спросила она Дурима.

Вместе они отнесли мешки наверх. Это было тяжело, но они работали молча. Проходя мимо винтовой лестницы, Лулье увидела Калеба на балконе. Неподвижного. Как статую.

«Что он там делает один?» — прошептала она Дуриму.

Дурим поправил мешок. «Может, думает», — только и сказал он. «Оставь его».

Они пошли дальше и разложили еду рядом со спящими товарищами.

Позже, когда и группа стражей уселась, стало тише. Лефу дремала, прислонившись головой к стене. Сол проверял свои ножи. Майло и Зев шёпотом обсуждали лучшую позицию для защиты ворот.

Тут зашуршало у спящих.

Рина встала. Она потёрла глаза и огляделась. Потом подошла прямо к Лулье и села рядом.

«Я не могу заснуть», — тихо сказала она. «Снаружи слишком шумно».

Лулье склонила голову и посмотрела на неё. В свете свечи Рина казалась ещё младше. Глаза большие и усталые, но в них было ещё что-то. Беспокойство. Одиночество.

«Хочешь со мной на крышу?» — тихо спросила Лулье. «Посмотреть на звёзды?»

Рина удивлённо моргнула. Потом кивнула. «Да».

Они осторожно встали, чтобы никого не разбудить. Каменные ступени винтовой лестницы были холодными под ногами. С каждым шагом визг призраков снаружи становился глуше. Будто башня защищала их.

На полпути они прошли мимо большой комнаты. Дверь была приоткрыта. Оттуда падал тёплый свет.

Лулье остановилась и заглянула внутрь.

Сол и Лефу сидели на полу. Между ними старая шахматная доска. Фигуры были деревянные, потёртые от времени.

«Шах и мат, дурак», сказала как раз Лефу и усмехнулась.

«Это было везение!», запротестовал Сол. «Ещё партию!»

Оба рассмеялись. Это был настоящий смех. Громкий, свободный. На мгновение казалось, что никаких призраков снаружи нет. Будто они просто дети в замке.

Лулье улыбнулась. Она приложила палец к губам Рины и потянула её дальше. «Оставь их», прошептала она. «Им это нужно».

Они поднимались выше. Воздух становился холоднее. Свежее.

Наверху они толкнули тяжёлый деревянный люк и вылезли наружу.

Крыша башни была плоской. Сломанные зубцы окружали их, как зубы старого зверя. Ветер дул прохладно и пах ночью и камнем.

А над ними было небо.

Полное звёзд. Тысячи. Больше, чем Лулье когда-либо видела в городе. Они висели низко, ясные и яркие. Млечный Путь тянулся над ними серебряной лентой.

Они сели рядом, спиной прислонившись к зубцу. Долго ничего не говорили. Слушали только ветер. И где-то далеко внизу, еле слышно, визг призраков.

Потом Лулье повернула голову к Рине. «Знаешь», тихо сказала она, «что мне всегда говорила мама, когда я была маленькой?»

Рина посмотрела на неё. В её глазах отражались звёзды. Она слушала с любопытством. Совсем тихо. «Нет», прошептала она. «Что?»

Лулье улыбнулась. Это была грустная, тёплая улыбка.

«Когда я была маленькой... я очень хотела свою собственную семью. Мне было лет пять. Или шесть». Она тихо рассмеялась. «Я кричала каждому мальчику, который проходил мимо нашего дома: „Мама, я выйду за него замуж! С ним я создам семью!“»

Рина хихикнула. «Правда?»

«Правда», сказала Лулье. «Мама каждый раз смеялась. Она поднимала меня на руки и гладила по волосам. А потом говорила: „Мой цветочек, ты ещё слишком мала для этого. Но однажды... однажды ты найдёшь правильного человека“».

Лулье запнулась. Ветер играл её волосами.

«Она говорила: „Твоя душа узнает его, Лули. Ты просто будешь знать. И знаешь что? Может, ты его уже видела. Может, он уже где-то там ходит. Но знай, мой цветочек... терпение это самое главное“».

Рина слушала затаив дыхание.

«„Где бы он ни был“, говорила она, „он придёт. Потому что он был создан для тебя, мой цветочек. Только для тебя. Но наберись терпения. Любовь найдёт тебя, когда придёт время“».

Лулье сглотнула. Воспоминание болело и одновременно грело.

«Я тогда просто сказала „да“. И обняла её так крепко, как только могла». Тишина.

Только ветер. И звёзды.

Рина прислонила голову к плечу Лулье. «Твоя мама, похоже, была хорошей», прошептала она.

Лулье обняла её. «Была», тихо сказала она. «Была».

«Рина!», вдруг сказала Лулье. Голос был твёрдым, но тёплым.

Рина повернула голову. Ветер играл её волосами. «Да?»

Лулье посмотрела на неё. Долго. В её глазах отражались звёзды.

«Однажды у тебя тоже будет семья», тихо сказала она. «И я хочу сказать тебе кое-что, чтобы ты никогда этого не забывала».

Рина затаила дыхание. Ждала.

«Если ты почувствуешь, что он тот самый», сказала Лулье, «и если он действительно тот самый... то он никуда не исчезнет». Её голос на миг дрогнул. «Что бы ни случилось. Как бы далеко он ни был. Он останется. Потому что он был создан для тебя. Точно как говорила мама».

Тишина. Только ветер скользил по крыше.

Рина посмотрела Лулье прямо в глаза. Ни сомнения. Ни страха.

«Да!», сказала она. Громко и чётко. Её голос разнёсся над зубцами. «Я тебя понимаю!»

Лулье улыбнулась. На этот раз улыбка была не грустной. Она была гордой.

Они снова откинулись к холодной стене. Плечом к плечу. Больше ничего не говорили. Просто смотрели.

Звёзды медленно плыли по небу. Визг призраков внизу становился тише, усталее. Будто и они ждали утра.

Они продолжали смотреть на звёзды и ждали рассвета.

В башне, глубоко под ними, жизнь шла своим чередом.

Дурим и Майло убирались. Они сгребали пустые мешки, сметали пыль и старый пепел в угол. Вуко и Зев помогали, молча и сильно. Они ставили оружие к стене, проверяли засовы на воротах. Каждое движение было тихим, чтобы не разбудить спящих.

В большой комнате ещё горел свет. Сол и Лефу продолжали играть в шахматы.

«И снова шах и мат!», приглушённо крикнула Лефу.

«Ты жульничаешь!», прошипел Сол, но ухмылялся. Фигуры тихо стучали по старой доске.

Кaleb заснул на узком балконе. Он сидел там, спиной к стене, скрестив руки на груди. Лицо было расслабленным. Впервые за несколько дней.

Динара поднялась по винтовой лестнице. Она остановилась, увидев его. Ветер трепал его плащ. Было холодно.

Она ничего не сказала. Просто спустилась обратно, взяла из припасов одеяло и вернулась наверх. Осторожно она накрыла Калеба. Укутала его так, что видно было только лицо.

Чтобы он не замёрз.

Потом она тихо ушла.

Несколько часов спустя небо посерело. Потом порозовело.

Рассвет наступал медленно, но верно. Первый свет пополз по стенам башни. Визг снаружи стих вместе с последними тенями. Призраки отступили.

Когда солнце полностью поднялось над горизонтом, Рик растолкал первую группу.

«Смена», коротко сказал он. «Теперь спите вы. Мы заступаем».

Кaleb проснулся, одеяло соскользнуло с его плеч. Он нахмурился, но ничего не сказал. Сол громко зевнул. Лефу потянулась. Дурим, Майло, Лулье, Вуко, Зев и Динара легли. Через несколько минут они уже спали.

Вторая группа встала. Рик, Атанасия, Такео, Рина и остальные.

Рик встал посреди комнаты. Его голос снова был ясным. Командным.

«Слушайте», сказал он. «Ещё немного отдохнём. Потом поедим. И выдвигаемся». Он посмотрел на каждого. «Нам нужно скоро продолжать путь. Книга... мы должны найти её. Пока они не вернулись».

Снаружи мир лежал в утреннем свете. Тихо. Мирно.

Но все знали: это была только передышка.

Глава 6

Пробуждение тайной силы

Солнце стояло высоко над башней. Все проснулись. Хлеб и вяленое мясо со вчерашнего вечера придали им сил. Призраки давно исчезли, сгорели на свету. Только чёрные следы от когтей на внешних стенах напоминали о ночи.

«Собирайтесь», сказал Рик. Его голос не терпел возражений. «Мы выезжаем».

Они собрали вещи, оседлали лошадей. Животные нервничали, будто чувствовали, что день ещё не закончился.

Рик ехал впереди всех. Он знал дорогу. Или думал, что знает. Его взгляд был устремлён вперёд, на пыльную равнину.

Самым последним ехал Дурим. Широкий, молчаливый, рука всё время рядом с мечом. Он был арьергардом. Его задачей было защищать остальных от внезапных призраков.

Они ехали долго. Очень долго.

Солнце палило. Ветер нёс пыль. Пейзаж был пустым. Только высохшая трава и чёрные камни.

Потом они их увидели.

На горизонте. Сначала просто точки. Потом фигуры. Много.

Призраки.

Они выползали из низины, стелились по земле как фиолетовый туман. Их глаза светились уже издалека. Они их учуяли.

«Доставайте мечи!», заорал Майло.

Это была не упорядоченная атака. Это был хаос.

Кaleb был первым. Он пришпорил коня, с криком выпрыгнул из седла и приземлился прямо в гущу орды. Его меч был серебряной дугой. Он дрался холодно. Расчётливо. Ни крика, ни колебаний. Каждый удар отделял голову от тела. Он крутился, уворачивался от когтей и бил снизу вверх. Три призрака рассыпались в пыль, прежде чем остальные успели снова сесть на коней.

Сол смеялся. Это был дикий, радостный смех. Он любил бой. Он крутил мечом как в танце. Легко, быстро, смертельно. «Идите сюда, уродливые твари!», кричал он. Призрак бросился на него. Сол упал, перекатился и вспорол призраку живот, поднимаясь. Пыль дождём осыпалась на него.

Лефу дралась рядом с ним. Где Сол был диким, она была точной. Она не говорила. Она наблюдала. Ждала брешь. Потом колола. Всегда в сердце, всегда между рёбер. Два укола, пинок, и следующий призрак рассыпался.

Динара вытащила кинжалы. Она была быстрой. Быстрее всех остальных. Она нырнула под удар, запрыгнула призраку на спину и вогнала оба клинка ему в затылок. Приземлилась мягко, как кошка, а за спиной у неё взметнулось облако пыли. Её каштановые волосы развевались при каждом повороте.

Вуко и Зев дрались спина к спине. Вуко это сила. Его меч был тяжёлым, двуручным. Он разрубил призрака от плеча до бедра. Зев это спокойствие. Он парировал, ждал, а потом колол. Чистый укол в горло. Ни одного лишнего движения.

Майло орал приказы и дрался одновременно. «Держите строй! Не давайте окружить!» Он отбил коготь предплечьем, проигнорировал боль и вогнал меч призраку в пасть.

Рик был в центре. Он был скалой. Он не отступил ни на шаг. Каждый его удар был тяжёлым, окончательным. Он защищал Атанасию, которая дралась коротким мечом, быстро, яростно, но ещё неопытна.

Дурим и Лулье сразу отступили к Такео и Рине.

«Оставайтесь за мной!», выдохнула Лулье. Она держала меч двумя руками. Сердце коло- тилось.

Один призрак прорвал строй. Он бросился на Такео.

Дурим был на месте. Одним ударом он снёс призраку голову. «Поймал тебя!», прорычал он.

Но второй зашёл сбоку. Прямо на Рину.

Лулье хотела броситься наперерез. Но не успевала.

Рина не закричала. Она вытащила свой маленький меч, тот, что ей тайком дал Рик. Она пригнулась под когтями, шагнула вперёд и ударила. Клинок вошёл призраку в бок. Глубоко.

Призрак взвизгнул и рассыпался.

Лулье стояла с наполовину поднятым мечом. Она смотрела на Рину.

Рина тяжело дышала. Руки дрожали. Но взгляд был твёрдым.

«Ты это видела?», прошептал Такео.

Дурим хрипло рассмеялся. «Девчонка умеет драться».

Бой продолжался. Минуты. Может, часы. Земля была покрыта чёрной пылью. Воздух отдавал железом и гнилью.

Потом всё закончилось.

Почти.

Остался последний призрак. Огромный. Изуродованный. Он хромал, одной клешни не хватало. Но фиолетовые глаза горели ненавистью. Он бросился на Майло.

Прежде чем кто-то успел среагировать, двинулся Зев.

Он отпустил поводья, встал в седле своего белого коня и прыгнул. В прыжке он вытащил меч.

Он приземлился призраку на спину. От удара оба рухнули на землю. Не медля ни секунды, Зев приставил клинок к горлу твари и рванул.

Чистый разрез.

Призрак издал последний булькающий звук. Потом рассыпался. Превратился в пыль, которую унёс полуденный ветер.

Зев медленно встал. Его лицо было пустым. Без эмоций. Он смотрел вслед исчезающей пыли. Будто только что резал хлеб.

Потом он развернулся, подошёл к коню и убрал меч в ножны. Металл тихо звякнул.

Тишина.

Все тяжело дышали. Мечи капали не кровью, только пылью.

Потом они один за другим слезли с лошадей.

Они вошли в старый заброшенный город, который несколько лет назад был разрушен призраками. Они снова разделились на группы, чтобы осмотреть город, и Лулье оказалась с Лефу, Динарой и Такео. Всю дорогу Лефу только смеялась и болтала, а Такео смотрел на неё и думал, какая она ребячливая, и чувствовал себя старше. Лефу болтала и начала рассказывать о своём детстве.

Она тараторила без остановки.

«Смотри, Лулье! Этот камень похож на Сола, когда он голодный!»

Она хихикнула и перепрыгнула через разбитый порог. «А то облако? Как призрак с тол- стыми щеками!»

Такео закатил глаза. Одиннадцать лет. На год старше Рины. Он сжал губы.

Ребячливая, снова подумал он. Такая чертовски ребячливая.

Он посмотрел на Динару. Та молчала. Настороженная. Вот как надо себя вести, подумал он. А не так.

Лулье ничего не говорила. Она давала Лефу болтать. Но её рука крепко лежала на рукояти меча.

«Знаешь, когда я была маленькой...», начала Лефу и широко ухмыльнулась Такео, «... мне никогда не разрешали балансировать на стенах. Мама всегда говорила...»

Она запнулась. Всего на секунду.

Ветер бросил ей в лицо пепел.

Потом она рассмеялась. Громко. Слишком громко.

«А, неважно! Спорим, я всё равно пройду по той стене?»

И она побежала.

Такео остался стоять. Он чувствовал себя старше. Намного старше.

Но в животе было как-то странно тесно.

Лулье посмотрела ему в глаза. Она тоже это понимала.

Лефу ещё не рассказывала о прошлом. Пока нет, по-настоящему.

Но она была близка.

«Ха-ха, когда мы были маленькими и играли в прятки, мы с Калебом всегда искали Атанасию и находили её плачущей».

Лефу пнула обгоревшее ведро. Оно с жестяным грохотом покатилося по пустому переулку, и эхо вернулось дважды. Больше ничего не было слышно. Ни птиц. Ни жизни. Только пепел, который тихим дождём сыпался на их сапоги.

Лулье плотнее запахнула плащ. Хотя холодно не было. Просто казалось холодно.

«Атанасия всегда была очень застенчивой и у неё не было друзей, кроме меня и Калеба», продолжала рассказывать Лефу. Она попыталась ухмыльнуться. Но уголки губ дрогнули. Всего на секунду. Потом ухмылка вернулась. Слишком широкая. Слишком громкая.

Лулье с любопытством остановилась. «Что? Кaleb? Вы знаете его с детства?»

Лефу фыркнула. Она звучала почти как обычно. «Да, это каменное лицо». Она изобразила пустой взгляд Калеба и опустила плечи. «Раньше он таким не был и всё время смеялся».

Стало тихо.

Лулье, Динара и Такео были немного шокированы.

Динара всё это время молчала. Теперь она открыла рот. Голос был хриплым, будто она давно не разговаривала. «Но почему он теперь такой?»

И тут это случилось.

Лицо Лефу стало серьёзным.

Не грустным. Не злым. Серьёзным.

Настолько серьёзным, что Такео невольно отступил на шаг. Смех слетел с неё как маска. Под ней был другой человек. Тот, кто слишком много повидал.

Она остановилась посреди улицы. Перед домом, который когда-то, должно быть, был синим. Теперь краска облупилась и почернела от копоти. Лефу положила руку на обгорелую стену. Совсем осторожно. Будто касалась кого-то живого.

И она начала рассказывать.

«Когда Кaleb был ребёнком, он говорил, что ненавидит людей, которые холодные и не показывают эмоций».

Ветер усилился. Он выл в пустых оконных проёмах и звучал как плач.

«Он был совершенно другим человеком». Голос Лефу был тихим. Таким тихим, что Лулье пришлось подойти ближе. «У него были эти глаза, понимаешь? Они светились. Всегда. Даже когда ему влетало. Особенно тогда».

Такео посмотрел в землю. Он вспомнил Калеба на балконе. Как тот всегда стоял один на страже. Как он никогда не улыбался. Как его глаза... ничего не излучали. Совсем ничего.

«И однажды ему с семьёй пришлось покинуть деревню, потому что жители там его ненавидели», сказала Лефу. Она сглотнула. Это было слышно. «Они ненавидели его, потому что он много болтала, всегда была позитивной и хотела играть. Представляешь? Они ненавидели ребёнка за то, что он был счастлив».

Лулье впиалась пальцами в ткань своего рукава. В груди болело.

«Всё время ему доставалось от других людей, а потом и от родителей». Рука Лефу на стене дрожала. «Сначала они только ругались. Замолчи, Калёб. Хватит мечтать, Калёб. Веди себя прилично, Калёб. А потом... потом его родители смотрели на него так, будто с ним что-то не так».

Динара резко вдохнула. Её рука лежала на кинжале. Не потому что была опасность. А потому что иначе она бы что-нибудь сломала.

«Люди не знали, но медленно они уничтожали его изнутри», прошептала Лефу. Слеза скатилась по её щеке. Она её не вытирала. «Его часто ранили. Не ножами. Словами. Взглядами. Дверями, которые захлопывали перед ним, когда он хотел смеяться».

«Он старался быть не слишком позитивным», сказала Лефу. Она рассмеялась. Это был уродливый смех. Сломанный. «Он делал себя меньше. Чтобы никому не делать больно своим счастьем. Вы понимаете это? Он похоронил свой смех. В семь лет».

У Лулье на глазах были слёзы. Она их не моргала.

«Думаю, я и Атанасия были единственными, кто поддерживал в нём позитив», сказала Лефу. Голос у неё теперь по-настоящему сорвался. «Мы встречались за мельницей. И на час он мог быть Калёбом. Не надоедливый. Не неправильный. Просто... Калёбом. И он смеялся.

Она замолчала. Надолго. Ветер нёс мимо пепел.

«Но после того как он уехал из деревни, мы больше не виделись».

Лефу убрала руку от стены. На коже остался чёрный отпечаток.

«А когда я увидела его снова, годы спустя... он был этим каменным лицом. И я поняла, что мы опоздали».

Тишина.

На этот раз Лефу не смеялась. На этот раз никто не заполнял тишину.

Такео посмотрел на Лулье. Лулье посмотрела на Динару. Динара смотрела в землю.

Они пошли дальше. Через мёртвый город.

И никто ничего не говорил.

Потому что некоторым вещам не нужны слова. Только пепел. И ветер. И тень мальчика, который когда-то смеялся.

«А теперь, когда мы встретили его снова в эти месяцы из-за войны, когда мы его увидели, мы обрадовались», сказала Лефу. Голос стал хриплым. «Я побежала к нему. Я хотела его обнять. Я хотела обнять Калёба».

Тишина.

«Но он посмотрел на меня холодно и просто ушёл», сказала Лефу. Она коротко рассмеялась. Звук был как бьющееся стекло. «Просто так. Будто я пыль. Будто нас никогда не было за той мельницей».

Лулье осторожно взяла Лефу за руку. Совсем осторожно. Лефу позволила.

«Она сказала ещё: и с тех пор мы вообще не разговариваем».

Лефу пожала плечами. Жест, который должен был сказать всё. Ну и что. Мне всё равно. Но плечи у неё дрожали.

Такео посмотрел на свои руки. Одиннадцать лет. Он думал о Калёбе на балконе. Всегда один. Всегда с этим мёртвым взглядом. И вдруг он понял.

Это было не каменное лицо.

Это была стена.

Построенная из всех дверей, которые захлопнули у него перед носом.

Построенная из всех раз, когда его смех был неправильным.

«Может быть...», начала Динара, но не закончила фразу. Что она могла сказать?

Лефу грубо вытерла глаза рукавом. Зло. «Плевать. Он хочет быть каменным лицом? Ну пусть будет каменным лицом».

Но ей было не плевать. Это было слышно.

Они шли дальше. Через мёртвый город.

И Лефу больше не разговаривала.

Впервые за весь день стало по-настоящему тихо.

И эта тишина болела сильнее, чем весь её смех до этого.

«Я не знаю, что будет, но лучше оставить его в покое. Кaleb стал тем, кого он больше всего ненавидел», сказала Лефу.

Голос звучал пусто. Будто кто-то высосал из неё весь шум. Ветер играл прядью её волос, но она её не убирала. Она просто стояла там, посреди пепла, и выглядела как ребёнок, которому пришлось повзрослеть слишком рано.

Лулье посмотрела на Лефу. По-настоящему посмотрела. Не мимо громкого смеха, не мимо шуток. Она увидела усталость в глазах Лефу. Ту, которую не видели все. Но Лулье увидела её сейчас.

Медленно Лулье положила руку ей на плечо из сочувствия. Её пальцы были грубыми от меча и дороги, но прикосновение было мягким. Не жалость сверху вниз. Это было я тебя понимаю. Это было ты не одна.

И сказала: «Лефу, может, он просто не решается. Дай ему время, может, всё будет хорошо и он поговорит с вами».

Голос Лулье был тихим. Таким тихим, что Динара и Такео, стоявшие в нескольких шагах, едва её слышали. Это было только для Лефу.

Лефу посмотрела на Лулье. Долгий момент она ничего не говорила. Губы дрожали. Совсем чуть-чуть. Потом она вдохнула, будто заставляя себя.

И улыбнулась: «Да, ха-ха, всё будет хорошо».

Это был её смех. Но тише. Сломаннее. Как мелодия, сыгранная на разбитом инструменте. Она легонько толкнула Лулье плечом, как всегда. Всё нормально. Идём дальше.

Они пошли дальше вместе.

Тишина между ними теперь была другой. Не мёртвая тишина города. Тяжёлая тишина. Полная всех слов, которые Лефу не сказала. Полная мальчика Калеба, который когда-то смеялся.

Такео шёл за ними. Одиннадцать лет. Он пнул камень в сторону. Он больше не чувствовал себя старше. Он чувствовал себя беспомощным. Стал тем, кого он больше всего ненавидел, эта фраза застряла у него в голове. Он думал о Калебе. О его пустом лице. И ему стало плохо.

Динара ничего не говорила. Но её взгляд прилип к Лефу. Настороженный. Уважительный. Другой, чем раньше.

И тут мир разорвался.

Визг.

Глубокий. Рваный. Будто самому городу перерезали горло.

Из тени обрушенной церкви вырвалось оно.

Вдруг выскочил призрак, и они быстро отпрыгнули в разные стороны.

Земля дрогнула. Пепел поднялся чёрным облаком. Лулье вскинула руки, защищая лицо. Камни посыпались на неё.

Когда пыль осела, все тяжело дышали.

Лефу и Лулье оказались по одну сторону переулка. Спинами к обгоревшей стене.

Такео с Динарой по другую сторону. Между ними, оно.

Призрак.

Он был не таким, как другие, о которых они слышали в рассказах. Не прозрачный. Не скользящий.

Он был массивным. В три раза больше человека. Его фигура мерцала, будто он был сделан из смолы и дыма, которые никак не могли определиться. Длинные костлявые руки волочили по земле и оставляли горящие следы на камне. Голова была слишком большой, пасть слишком широкой. А глаза...

Его глаза были дырами. Пылающими. Фиолетовыми. Полными всей ненависти, которую видел этот город.

От него пахло горелым мясом и страхом. Старым, засохшим страхом.

У Лулье сердце подскочило к горлу. Но рука сама нашла меч. Металл запел, когда она его вытащила.

«Возьми Такео и отведи его в безопасное место, Динара!», крикнула Лулье. Голос почти сорвался, но был громким. Привыкшим командовать. Без дрожи.

Динара не колебалась. Инстинкт был быстрее мысли. Её рука рванулась вперёд и вцепилась в воротник Такео.

«Держись, мелкий!», прошипела она.

Динара быстро схватила Такео и побежала в безопасное место.

Ноги Такео спотыкались о обломки. Его наполовину тащили, наполовину несли. Сердце колотилось. Но он обернулся. Он должен был видеть.

Лулье и Лефу остались одни.

Призрак взревел. Воздух стал ледяным. Иней выступил на стенах.

И призрак был явно в три раза больше и сильнее.

Он поднял руку. Когти как чёрные кинжалы. Он целился прямо в Лулье.

Лулье встала шире. Меч перед собой. Она больше не была цветочком. Она была сталь.

А за ней стояла Лефу.

Никакого смеха. Никаких шуток.

Лефу сжала кулаки. Глаза были сухими. И впервые с тех пор как Такео её знал, она не выглядела ребячливой.

Она выглядела как человек, которому больше нечего терять.

Лефу вытащила оба меча и бросилась на призрака.

Ни колебаний. Ни смеха. Только стиснутые зубы и голое упрямство во взгляде.

Ветер хлестал её по волосам, когда она рванула вперёд. Земля трескалась под каждым её шагом.

Она запрыгнула на крышу.

Один прыжок, второй, третий, она взлетела по крошащейся стене, будто делала это уже сотню раз. Клинки в её руках сверкали в бледном свете.

Наверху она раскинула руки с мечами.

Как крылья из стали.

И приземлилась призраку на голову.

ТРЯХ.

От удара призрак пошатнулся. Чёрный дым зашипел там, где её сапоги коснулись его. Он взревел, звук прошёл сквозь плоть и кости.

Она отвлекла его для Лулье.

Она танцевала у него на черепе, уворачивалась от его когтистых рук. Каждый её удар высекал искры из дымного тела. Это был не бой. Это был настоящий шторм.

И в этот момент Лулье быстро бросилась к ногам призрака.

Лулье нырнула под хлещущую дымную руку. Сейчас. Сейчас или никогда.

Вытащила меч и рубанула по ногам.

Чистая серебряная дуга.

Клинок вгрызся в дымную лодыжку как в густую смолу.
Призрак закричал так громко, что остальные услышали его издалека.
Это был не крик. Это взвыл сам мёртвый город. Окна лопнули. Земля дрогнула.
И он стал агрессивным.
Его угольные глаза вспыхнули. Он встал на дыбы, как раненый зверь.
Он сбросил Лефу со своей головы.
Брутальным движением. Лефу швырнуло через воздух.
Но прежде чем она упала на землю, она успела ранить глаза призрака.
В полёте она развернулась. Оба меча вперёд.
ШШШШШ.
Она разрешила один из светящихся глаз. Чёрный дым брызнул как кровь.
Она упала на землю. Жёстко. Перекатилась. Задышалась. Пыль в лёгких, кровь в уголке рта.
И сказала: «Ха-ха, ты сильнее, чем я думала».
Она ухмыльнулась. Зубы в крови. Эта упрямая, сломанная ухмылка.
Лулье посмотрела на неё. И раз уж она не была тяжело ранена, она посмотрела на призрака, бросилась к нему и стала драться.
Они вдвоём дрались против призрака.
Лефу, шатаясь, поднялась на ноги. Плечом к плечу с Лулье. Мечи против когтей. Сталь против дыма.
И медленно они проигрывали.
Удар в рёбра Лулье. Она сплюнула кровь.
Удар задел Лефу по виску. Она упала на одно колено.
Призрак был слишком большим. Слишком злым.
Когда они обе уже почти полумёртвые лежали на земле, и призрак подходил к ним, Лефу сказала Лулье: «Эх, Лулье, я не думала, что это будет наш конец, но я рада, что узнала тебя».
Глаза у неё были уставшие. Но она смотрела на Лулье. И в них был покой.
Лулье уже ничего не могла сказать, она была сильно ранена. Кровь текла у неё изо рта.
Она хотела сказать нет. Но вырвался только хрип.
Вдруг призрак схватил Лефу и ударил её в живот.
Глухой, мокрый звук. Тело Лефу согнулось.
И она потеряла сознание.
Голова упала вперёд. Мечи звякнули о камень.
Призрак хотел её убить.
Он замахнулся. Коготь поднялся.
И Лулье это увидела.
Дрожь прошла по всему телу. Страх смерти. Не за себя. За Лефу.
И она тихо сказала: «Нет, Лефу!»
Голос сорвался.
А потом она закричала: «Нет, Лефу, нет! Отпусти её!»
Это был уже не крик. Это был приказ самой смерти.
Вдруг глаза Лулье стали фиолетовыми.
Не тёмными. Не холодными.
Светлыми. Сияющими. Будто целое ночное небо горело в них. Фиолетовый свет сожрал тени вокруг неё.
И она больше не чувствовала боли.
Сломанное ребро. Кровь. Усталость. Всё исчезло. Выключено.
Её тело начало двигаться само, будто это была не она.
Она встала. Слишком плавно для человека. Слишком спокойно. Будто парила.

Она встала, и призрак что-то почувствовал и испугался.

Монстр, пожиравший дома, отступил. Шаг. Его единственный угольный глаз широко раскрылся. Паника.

Он бросился к Лулье, чтобы убить её.

Но вдруг одним движением меча Лулье разобрала призрака.

Никакой техники. Никакого боя.

Один росчерк.

Серебро. Фиолетовый.

Снизу вверх.

Воздух закричал. У призрака не было времени взвыть.

Он был разрублен пополам. Потом пыль.

Медленно он рассыпался в прах, и глаза Лулье снова стали нормальными.

Фиолетовый погас. Как свеча на ветру.

Она упала на колени, меч выпал из руки, и всё перед глазами расплылось.

Адреналиновый откат ударил её как молот. Каждая кость болела вдвойне.

Тихим голосом она сказала: «Ч-что... что со мной только что было?»

И так она полностью рухнула на землю и потеряла сознание.

Тишина. Только её дыхание. И Лефу. Оба слабые. Но есть.

Но чего она не знала, так это что Динара оставила Такео в безопасном месте и вернулась, чтобы помочь, и видела всё.

Динара стояла на краю площади. За стеной.

Руки дрожали на кинжале.

Она видела всё.

Фиолетовые глаза. Один удар. Пыль.

И её лицо было бледным как мел.

«Лулье! Лулье!»

Голос доносился издалека. Из-под воды. Сквозь вату.

Голос Рика. Хриплый. Панический.

Вдруг Лулье проснулась от голоса Рика.

Свет резанул по глазам. Дерево скрипело под ней. Запах кожи, лошади и пыли.

Она ахнула. Всё тело болело. Будто она упала с утёса.

И они все уже были вместе в повозке.

Тесно. Тепло. Живые.

Рик сидел напротив неё, лоб в морщинах от тревоги. Сол вцепился ей в руку. Рина уткнулась лицом ей в подол.

Дури́м правил спереди. Такео и Динара сидели тихо в углу.

«Где Лефу?»

Первые слова. Горло сухое как пепел. Паника поползла вверх по позвоночнику. Призрак. Удар. Лефу...

Лефу повернулась к Лулье и сказала: «Я тут, всё хорошо, ха-ха, нас нашли без сознания на улице».

Она сидела сзади. Бледная. Повязка на лбу. Но она ухмылялась. Эта дурацкая, облегчённая ухмылка.

Сердце Лулье, которое только что хотело сорваться в галоп, споткнулось. Живая. Она живая.

Рик сказал: «Динара нашла вас первой».

Динара не подняла взгляд. Она смотрела в маленькое окошко повозки. Пальцы сжимали кинжал так крепко, что костяшки побелели. Когда Лулье посмотрела на неё, Динара отвела глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.